

18+ Павел Патлусов

Афоня

Павел Патлусов

Афоня

«Издательские решения»

Патлусов П.

Афоня / П. Патлусов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983728-8

Автором написаны повести «Исход», «Булат», «Розовый рассвет», «Светотень», «Шалинские сказы», множество сказок, рассказов, юмористических миниатюр. И вот в свет выходит повесть «Афоня». События повести происходят в 15 веке. В это время началось первое освоение русскими людьми Урала. Герой повести проходит большие испытания прежде, чем с новыми для себя людьми (вогулами) найдёт постоянное место для счастливой жизни. Печальная судьба вогулов отражена в последних строках повести.

ISBN 978-5-44-983728-8

© Патлусов П.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Острог	7
Казачий круг	10
В устье Барды	12
Первый ночлег в поле	14
Ордабазар 18	16
По Сылве-реке	18
Вверх по Барде	20
Нападение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Афоня

Павел Патлусов

© Павел Патлусов, 2020

ISBN 978-5-4498-3728-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

У каждого человека есть особая привязанность к определённой местности; от этого уголка земли детские переживания невероятным образом отражаются на глубинном уровне Души. Это – отражение, психологический штамп, – если так допустимо выразиться, – на протяжении всей жизни «окрашивает» и модулирует всю эмоционально – рассудочную деятельность человека. Мне трудно что – либо сказать в этом плане, допустим, о французе, немце или другом «заштатном» европейце, но россиянин однозначно не способен «вытравить» чувство привязанности, мистической связи с малой Родиной из своей Души. Такое свойство Души только в России может быть понятным. . .

Железнодорожная станция Шутём, ныне только – разъезд, расположена практически на половине пути между уральскими областными центрами Пермью и Екатеринбургом, и запоминается необычайно величественным видом горы. Это – Афонина гора. У южного, самого крутого склона горы протекает небольшая речка Баская, с почти ледяной водой в любое время года. В конце пятидесятих годов прошлого века на речке стояла уже редкая по тем временам, мельница. Это загадочное сооружение, – для нас, детей, было наполнено таинственными существами: русалками, чертовками, водяными. Мельница в детском восприятии, тоже была живым существом; она во-время помола зерна пыхла, шевелилась и тряслась всем телом.

Настоящим хозяином здесь был кряжистый, плотный мужчина Константин Пашов; он имел единственную на селе небольшую личную библиотеку, с которой сельская детвора начинала знакомство с миром литературы. Вот таким добрым словом я вспоминаю этого человека, на вид угрюмого и немногословного.

До середины шестидесятых годов прошлого века Шутём с окружающими его деревушками: Засколком, Юлаевкой, Верховлянами, Сидоровкой, можно сказать, процветал; там была восьмилетняя школа, небольшой интернат при ней, библиотека, клуб, баня, хлебопекарня и т. д. Но с конца шестидесятых годов начались для этой местности неприятные экономические и социальные перемены; вначале закрылся леспромхоз, – лесосырьевая база была вырублена, затем упразднили школу, ликвидировали колхоз, и уже в перестроечное время железнодорожную станцию перевели в разряд обычных, заурядных разъездов.

Здесь автору этих строк посчастливилось жить в пятидесятых, шестидесятых годах прошлого века. Среди множества жителей данной местности наиболее интересным, по прошествии десятилетий, оказался Апонька. Настоящего имени, до момента его исчезновения из посёлка, по – просту не знали. Позднее, из довольно путанных рассказов Апоньки, мне удалось воссоздать связь времён, и установить отношение этого человека к Афонинной горе, к происхождению её названия.

Острог

Стоял тихий, очевиднее – очень спокойный августовский день. Река Сылва, у подножья крутой и почти безлесной горы, зеркальной неподвижной массой медленно катились к своему слиянию с Иренью. Громада горы отражалась в речном зеркале вместе со всеми живыми существами, которые находились на её крутых склонах. По желтоватому выгоревшему на солнце косогору бродили коровы, лошади и небольшое стадо овец во главе с длинноногим козлом. На порыжевшей жухлой траве временами останавливались лёгкие и стремительные в полёте стрекозы, которые, погревшись в ласковых лучах дневного светила, пошелестев крылышками, вновь взмывали в небесно-голубую высь.

Здесь, на горе, казаки – поселенцы возводили острог; они заканчивали очередной рабочий день по возведению северной стены крепостного сооружения. В двух десятках шагов от новостройки, на костре, в большом чугунном котле варилась уха. На небольшом удалении от костра располагался длинный стол, составленный из двух деревянных плах; подобные же доски-плахи служили казакам – поселенцам в качестве скамей вдоль стола. Пять больших глиняных чаш, с деревянными ложками в них» красовались» на столе. Хлеб, нарезанный длинными ломтями, ножи и битая глиняная кружка с солью – вот, незамысловатая сервировка казачьего стола. Возле котла с большим половником, уворачиваясь от едкого дыма, который совершенно не относил ветром, крутился высокий, худой, с белесыми волосами и такого же цвета «жидкой» юношеской бородёнкой молодой казак – поселенец. Одет он был довольно странно; худое тело было прикрыто потёртой, выцветшей от дождя и солнца серой рясой, подпоясанной ниже талии, почти на бёдрах, тонкой пеньковой верёвочкой. На ногах повара были лишь кожаные подошвы, крепившиеся к голеням ног узкими ремешками. Трижды перекрестив котёл с ухой, Звонарь Титов попробовал её из половника и, приставив ко рту рупором руки, одновременно зажав половник между ног, крикнул звонко, почти по – детски: «Эгей-гей! Ушица готова!»¹

Спустя некоторое время, к столу начали медленно и степенно подходить потные, угрюмые и патлатые казаки – поселенцы, ополоснув руки из зеленоватого, выполненного из сплава меди, рукомойника, вытерев руки о холщовые рубахи, перекрестив лоб, садились за стол. На каждах пять казаков Афоня наливал полную чашу ухи. За стол село около двух десятков человек; у строящегося острога осталось два стражника, размерено вышагивающих вокруг новостройки, по самому гребню земляного вала. На всех казаках – поселенцах были холщовые рубахи – зипуны, и только Киса Кованый – тёмноволосый гигант, был в красного цвета шёлковой рубахе. На ногах красавца – сафьяновые сапоги. Остальные казаки носили ичетыги или обычные для россиян – лапти. После того, как в чашках на столе осталось менее половины наваристой ухи, казаки постепенно, реплика за репликой начали неспешный разговор.^{2 3}

– И-и-и, вот, язва, – открыв широко, в самой толще рыжеватой бороды, рот, залезая в него толстым, с почерневшим ногтем, указательным пальцем, начал ругаться плешивый, с округлым лицом и мясистым носом Трофим Вятич, – кость о-о-о... Тьфу! – Вытащив с трудом рыбью кость, он всё же продолжал возмущаться, – Где ты, Звонарь, такой рыбы на уху нахапал?

– Знамо дело – в Сылве! – спокойно и кратко ответил Афоня, стоя за спиной евших уху казаков.

¹ Звонарь Титов – в старину часто прозвище использовали вместо имени. Настоящее имя нашего героя Афоня, сын Титов, то есть отца звали Тит.

² Патлатые – волосатые, обросшие длинными волосами люди. В. Даль

³ Ичетыги – татарские сапоги из кожи.

– Да, ты – Звонарь, охреначь его по плешине половником, чтобы не кукорился! Ишь – подай ему осетрину! – отреагировал на это Киса Кованый.

– На Волге, где я полевал шесть лет с Савой Болдырем, такую рыбу собакам не давали, – выходя из-за стола, продолжая ковырять пальцем во рту, ругался Трофим.

– Может вернёшься? – съехидничал, с широким розовым рубцом на лице – от правого уха до рта, – смуглый поселенец Охрим Барабаш.

– На вислицу! Что – ли! – И тут же добавил. – Желания нет; там нам Царь-батюшка приготовил только смертное угощение...

– Вот – вот, – рассуждал Охрим, – здесь ты уже и бабой обзавёлся и жить на земле решил спокойно и сытно, чего ещё надо?

– Чего? – охрипшим грубым басом, отложив пустую уже чашку с ложками в сторону, отметил, вступил в разговор русоволосый с ярко – голубыми глазами казак. – Баба – дело не хитрое: из прошлого похода на вогулов два десятка их в полон взяли: кому любовницей стали, а кому и жена... наших московитских баб здесь трудно сыскать; считай половина казаков с ними – вогулчанками живёт. Вот даже Звонарю предлагали одну очень «мягкую» телом вогульчанку, – отказался... Ещё, видать, не ведаёт, какой «антерес» у бабы под рубахой!

Казаки заулыбались, некоторые откровенно начали хохотать, но, вспомнив, что трапеза не окончена, начали выходить из-за стола, крестясь на восток.

Вдруг один из стражников, на земляном валу, начал подавать сигнал – маячить казакам рукой, показывая на север. Все обратили свои взоры в направлении руки стражника. Там, вдали, по северному пологому склону горы, в направлении острога скакал всадник.

– Или от Никольской часовни монашек скачет, или сам Строганов гонца послал, – высказал своё предположение Киса Кованый, – подождём...

Казаки вновь присели на скамьи, возле стола. Афоня в это время убрал со стола рыбы кости, на которых устроили уже пиршество тучные мухи. По пути к реке он выбросит кости бродячим собакам. Положив в пестерь чашки и ложки, он начал спуск с горы, чтобы там – внизу, на реке вымыть посуду. Стражники обычно ели позднее, посуду мыли сами, но кроме того, они должны будут отправиться на ночной лов рыбы, – здесь был такой порядок. На следующий день уже другая пара стражников занимается ночной рыбалкой. Такое правило среди казаков завёл Киса Кованый – пятидесятник, командующий полусотней казаков.⁴

Примерно за двести метров от острога пятидесятник узнал всадника,

– Ерёма Кизелбаш – человек Строганова.

Через несколько мгновений наездник спешил к костру, привязав лошадь за сук большого бревна, отложив в сторону пищаль и подошёл к казакам, молвив: «Мир Вашему дому!» – направился к Кованому. Казаки вразной ответили: «С миром принимаем!»

– Грамота тебе, Кованый, от Строганова, – доставая из-за пазухи бумажную трубку, сообщил Ерёма Кизелбаш.

– Давай. – Без церемоний принял послание Строганова Киса, внимательно осмотрев сургучную печать, – вроде бы евоная – Строгановская печатка... Звонарь придёт – прочтёт...

Протирая чашки речным песком, Афоня – чисто по-детски любовался игрой мелких рыбёшек в реке, на отмели. Он не думал, что данное послание определит всю дальнейшую его жизнь...

– Садись, Ерёма, к столу – похлебай ушицы, – распорядился пятидесятник,

– Барабаш с Вятичем сменят стражу, – им тоже надо ухи отведать!

Строгановский гонец вымыл руки, вытер их о зипун, как все казаки, отвязал от пояса на чуге ложку и сел к наполненной ухой чашке. Прежде он посолил варево, попробовал и выразив одобрение казачьему блюду, борясь с чувством голода, дождался стражников. Как только

⁴ Пестерь – холщовая сумка.

казаки – поселенцы опустили свои ложки в уху, Ерёма Кизелбаш тоже приступил к трапезе. Казаки молча, покручивая усы, теребя бороды, ждали, когда человек Строганова насытится, дабы приступить к нему с расспросами о житии – бытии в Чусовских городках.⁵

Казаки – стражники с гонцом наелись аж до отрыжки, блаженствуя, развалились на скамье, навалившись спинами на стол. Казаки – поселенцы начали робко наседать на Ерёму с вопросами, но последний не стал перед казаками держать речь, ответив просто и коротко: «Вначале прочтите грамоту...»

Томительное ожидание длилось недолго – подошёл Афоня, громыхая чашками в холщовой сумке.

– Чти, Звонарь, – протянул ему грамоту Киса Кованый. Молодой казак развернул свёрнутую в трубку грамоту и начал тихо, с расстановкой читать, но абсолютно невнятно для стоящих вплотную к нему казаков.

После прочтения текста он что – то на ухо сказал пятидесятнику. Киса Кованый немного подумал над сказанным Афоней и строго предупредил его: «Никому – ни слова!» – И уже для всех казаков – поселенцев громко крикнул: «Завтра, с утра, казачий круг, – надо совет держать, думать будем, а пока можно всем по домам...»

Казаки – поселенцы не торопились расходиться и надоедали с расспросами как посланцу Строганова – Кизелбашу, так и Афоне Титову.

– Ох, казаки, ждут вас большие дела, – решил в незначительной части удовлетворить любопытство казачьей массы Ерёма, – в Орёл – город понаехало много разного люду: казаки со своими атаманами, литовины, поляки и многих других беглых... Грядёт поход за Камень: воевать будут Кучума!»

Казаки после такого сообщения явно приуныли, ибо все они были, в основном женатыми, жили семьями в своих избах, на землях, дарованных Строгановым; желания» воевать Кучума» у них не было.

⁵ Чуга – узкий кафтан с рукавами по локоть, на пуговицах. Н. Костомаров

Казачий круг

Только чуть забрезжил рассвет следующего дня, как казаки – поселенцы потянулись от подножья горы к острогу в добротных кафтанах, чугах и в почти ненаших сапогах или ичетыгах, – лапти в этот день были «не в ходу». Обивая утреннюю росу с жухлой травы, казаки оставляли на склоне горы тёмные неровные полосы, сходящиеся, как остриё ножа, у острога.

Прибыв на место, казаки рассаживались вокруг костра на брёвнах, укладывая длинные сабли между ног; все подсушивали намокшую от росы обувь. На казачий круг собралось чуть более четырёх десятков поселенцев. Обычных шуток и побасёнок перед началом круга не было; по всему виду собравшихся казаков чувствовалось напряжение, тревога, – многие из поселенцев провели сегодня бессонную ночь. Первые робкие лучи солнца, играя в каплях обильной росы, превращали вершину горы в «алмазную россыпь», но восторга у казаков это чудо августовского рассвета не вызвало.

– Казаки, – встав из-за стола, перекрестившись трижды, начал казачий сход Киса Кованый, – Аника Строганов просит вас службу вершить, в благодарность за жалованные нам земли...

– Воевать «татарову» не желаем, – перебил начатую речь пятидесятника Трофим Вятич, – мы замирены с ними.

– Придержи язык, пока не молвил слово атаман, – оборвал преждевременное возмущение казака Ерёма Кизелбаш.

– В Чусовских городках взловили вогула, который донёс, что Беглебий – мурза собирает войско для нападения на русские поселения и уже начал якшаться с Кадыр – мурзой. Если Кадыр – мурза нарушает перемирие, то его нужно утихомирить упреждающим ударом, дабы он не оказал помощи Беглебию... Плыть нужно будет по рекам Сылве и Барде. Давайте держать думу, как исполнить просьбу Строганова и отблагодарить его за дарованные нам земли. – На этом атаман, закончив речь, сел на скамью. Наступило томительное затишье, во время которого был слышен даже комариный писк. Первым начал разговор старейший по возрасту казак Фёдор Бердыш. – «Ажели» воевать Кадыр – мурзу теперь не можно: острог не достроен, припасы на зиму не произведены, у многих казаков избы не достроены – явно не время...⁶

Пятидесятник Кованый с человеком от Строганова долго объясняли старому казаку, что они, мол, не собираются воевать Кадыр – мурзу, а делают только разведывательную вылазку. После нудного почти детального обсуждения всего мероприятия седой, как лунь, казак вынужден был сказать: «Ну, коли эдак...» И было не понятно: то ли он был согласен с доводами атамана, то ли просто до мелочей выяснил суть строгановского послания. Это обстоятельство дало формальный повод Кисе Кованому приступить к деталям предстоящей экспедиции.

– Тут мы, с Кизелбашем, «покумекали» и решили, что полевать будут десять казаков на двух лодках; на стругах не пойдёшь – реки обмелели, но паруса на лодках установить нужно.

7

По пути туда – в верховья рек, и обратно всё наблюдать и отмечать; вести себя осторожно, дабы не было нападения со стороны ногаев. Если Кадыр – мурза затеял нарушить примирение, осенью с двумя казачьими сотнями при трёх пушках выступим из Перми в пределы мурзы. Вот всё! Кто желает добровольно идти полевать, пусть об этом скажет сейчас; на сборы даётся только два дня.

– Я иду полевать! – откинув половник в пшеничную кашу со свиным салом в котле, вышел к казакам Афоня Титов.

⁶ Якшаться- дружить, общаться, знакомиться В. Даль

⁷ Покумекали – подумали, обсудили. В. Даль

Улыбки и даже откровенный смех раздался среди поселенцев.

– Куда тебе! Ты и сабли в руках не держал, а с половником не много против ногаев намахаешь... – резонно и определённо выразил общее мнение Охрим Барабаш. Но после этого эпизода казаки повеселели; они уже знали о предстоящем деле; оно для них не худший вариант, о котором думали всю ночь. Кроме Афони, полевать напросились добровольно ещё четверо казаков, не имевших семей, живших постоянно при остроге: Кондратий Клевец, Иван Кривоус, Василий Чёрный, Маркел Чубатый.

– Мало, – отметил Киса Кованый, – в таком случае пойдёт десятский Барабаш, так как двое казаков – добровольцев из его десятки; часть женатых казаков могут договориться с добровольцами из других десятков.

На этом эпизоде казачий круг был закончен. Пятидесятник отдал на сходе последнее распоряжение: «После трапезы все казаки идут на строительство острога, а тем, кому полевать: начинать сборы...»

Василий Чёрный и Кондратий Клевец, не числящиеся за десятником Охримом Барабашем, быстро подменились с женатыми казаками из его подразделения. Трофим Вятич оказался менее расторопным, не успел найти себе подмену в лице казака – холостяка. Во время горестных переживаний к нему подошёл Афоня. – Идем к Кисе, – я согласен за тебя полевать, – успокоил он Вятича.

– Крыша у избы не завершена... А так бы я с большим удовольствием в поле пошёл; останется одна баба, а осень на носу – начнёт поливать... – жаловался на судьбу Афоне женатый казак. – У тебя никаких забот!

Через несколько мгновений казаки стояли перед Кованым и настойчиво убеждали его на подмену женатого Вятича в походе на холостого Звонаря.

– У него нет даже необходимого для похода снаряжения – попович и только! – возражал им командир казачьей полусотни.

– Я выдам ему своё снаряжение: чугу, сапоги, пицаль, саблю и даже если нужно, тягилай, шубу.⁸

– Ну, пусть, – махнул рукой Киса Кованый, – чай, где – то ему надо учиться полевать, – не всё у котла с половником стоять. А ты, – он погрозил пальцем Трофиму, сверкнул глазами, – будешь теперь вместо Звонаря у котла стоять. Понял!?

– Понял, – обрадовался удачному исходу дела Вятич, и уже повеселевшим пошёл вместе со Звонарём к котлу: «Ты – Звонарь, пока сегодня ещё будь у котла, – я соберу для тебя весь скарб...»

– Ладно, – ответил не менее довольный Афоня, который уже жил предстоящими приключениями во время похода по неизвестным почти для всех казаков рекам.

Основная масса казаков – поселенцев уселась за стол отведать пшеничной каши; другая – меньшая часть казачьей полусотни начала спускаться с горы; они начнут подготовку лодок и снаряжения для похода.

⁸ Тягилай – Длинный кафтан со стоячим воротником и короткими рукавами. В. Даль

В устье Барды

Через два дня, как планировали во время казачьего круга, десять казаков – поселенцев отплывут вверх по реке Сылве. Ранним, достаточно прохладным утром, когда ещё сумерки властвовали над девственным Сылвенским краем, в часовне Николая Чудотворца начался напутственный молебен. В небольшом деревянном помещении часовни все желающие вместиться не смогли; часть казаков с жёнами находились на улице, не спешно, без особого азарта – по-хозяйски обсуждали две злободневные темы дня: предстоящий поход казаков и уборку поспевающих хлебов. В часовне было душно от насыщенного лукового запаха.

Афоня был так горд за свой новый статус, что совершенно не замечал того отвратительного смрада. Отец Сергей – невысокий, седовласый мужчина, не выпуская требника из рук, читал очередной псалом: «Прибежище моё и защита моя, Бог мой, на которого я уповаю! Он избавит тебя от сети ловца, от погибельной язвы; перьями своими осенит Тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение истина Его. Не убоишься ужасов ночи, стрелы летящей днём, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизятся. Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым...»⁹

Казачки, в основном чёрноглазые, чёрноволосяе и круглолицые вогульчанки, взятые во время походов в полон, неумело крестились, побаивались строгих взглядов своих мужей. И вот молебен завершён.

Отец Сергей трижды перекрестил свою паству. Казаки с жёнами начали медленно выходить из часовни на свежий воздух, быстро смешиваясь с народом, который всю церковную требу провёл вне стен часовни. Солнце робкими лучами начало окрашивать верхние слои тумана в розовый цвет: ещё миг и туман начал подниматься постепенно над окрестностями реки Сылвы, рассеиваясь в бледной голубизне неба.

– Погожий денёк будет, – подбоченившись, немного красуясь, заметил Киса Кованый, – и путь держать хорошо, и рожь жать...

Казаки закивали головами, поглаживая широкие, как лопаты, бороды. Трофим Вятич всё утро находился рядом с Афоней; старался учить его «уму – разуму»: «татаровы» сильны в конном строю, а посему из-за своей малочисленности не принимайте бой на чистом и ровном месте; на ночь, у костра будьте особенно осторожными... Лучше всего, если будет необходимость примите бой на воде – с пищалями, на лодках, вы сможете долго держать оборону...»

– М-гу, – мычал лишь в ответ молодой казак, совершенно не задумываясь о предстоящих трудностях похода. В чуге, надетой им впервые, с саблей на поясе, он сам себе казался героем былинных сказаний. Под чугой, на зипуне, он зашил небольшой образок Пресвятой Богородицы, который был благословлён ему родной матушкой. Казаки и казачки толпою спустились от часовни на берег реки Сылвы. У деревянного причала, тихо покачиваясь, стояли две лодки с невысокими мачтами для четырёхугольных парусов. Похлопав по плечам казаков, уходящих в поход, поселенцы, сделав последнее напутствие, отходили от кромки воды, смешиваясь в толпе с казачками и детьми. В это время Охрим Барабаш обнявшись прежде с пятидесятником, отдал приказ: «По лодкам!». Перекрестившись казаки начали размещаться в лодках; от берега оттолкнулись шестами, направляя лодки к середине реки; только там они налегли на вёсла и стали медленно, но всё более уверенней, подниматься вверх по течению реки: паруса ставить было ещё рано – ветер по утрам в августе очень слаб. Вдоль всего берега, вплоть до острога, за лодками в длинных холщовых рубахах, не боясь холода, бежали казачьи дети. Когда исчез из виду острог, казаки начали ставить паруса, и вот небольшой

⁹ Смрад – отвратительное зловоние, чад, вонючий запах. В. Даль

кусок полотна наполнился свежим ветерком, оказывая заметное подспорье гребцам. Вскоре они вообще вытащили вёсла из воды, только рулевые на носу лодок не выпускали гребка из рук. В каждой из двух лодок, кроме казаков, находилось по две полные бочки с сухарями, толкном и луком, – неперменные атрибуты русской кухни. Здесь же, наряду с полными провиантом бочками, было и по две пустых; они предназначались для солёной рыбы и мяса, которые должны быть заполнены непосредственно в походе. В каждой лодке, возле мачты, находилось оружие: пищали, топоры, сабли, копья, а также хозяйственный скарб.¹⁰

К середине дня казаки пристали к берегу, в устье реки Барды. На склоне горы, вблизи реки Сылвы, находился казачий засёл численностью в пять казаков. На крутой вершине горы возвышалась деревянная башенка, в окружении казачьих изб. Командовал здесь старый, повидавший на своём веку немало жестоких схваток, Калистрат Могила.¹¹

Именно он, в сопровождении молодого казачка, спустился от засела к прибывшим по воде товарищам. Обнимались радостно и бурно.

– Пока казаки будут готовить варево, мы с тобой Могила, будем совет держать, – после дружеской церемонии, радушной встречи начал деловой разговор Охрим Барабаш, отложив саблю после рукопожатия обратно в лодку.

– Аника – наш благодетель, хочет знать, не якшается ли Кадыр-мурза с Беглебием? Не заметил ли ты чего такого подозрительного? Есть сведения, что Беглебий – мурза хочет воевать Чусовские поселения.

В это время часть казаков отправилась за дровами в ближайшую сосновую рощу, расположенную возле самого устья реки Барды; оставшиеся, четверо разведчиков, расправили сеть и раздевшись донага, тут же забрели с нею в реку. А чуть погодя на берегу трепыхались уже несколько десятков краснопёрых окуней и голавлей.

– Шабаш, казаки, – расправляя сеть для просушки, отметил Маркел Чубатый, – добрая уха будет...

Калистрат с Охримом сидели на берегу реки на отшлифованных водою валунах, поигрывая прутиками ивы, ведя неспешный разговор. Могила пытался высказать все возможные сведения, которыми владел о данной местности: «Далеко мы не бывали; там всё более ногаи кочуют... Вогулы говорили, что верховья рек Барды и Сылвы почти сходятся, только по Барде надобно плыть шесть дён, а по Сылве две недели... Там, в верховьях Сылвы, живёт народ которым правит Сямын – мурза, по-нашему – князь. Народ мирный, но с нами в контакт не вступает, – всё более с ногаями торгует...»¹²

На этом рассказ старого казака закончился, он перешёл к советам: «Вы же после обеда, на всякий случай, нарубите ивняка, – сделайте вдоль бортов у лодок щиты, – мало ли что может быть... В последнее время ногаи не показывались здесь...»

После трапезы казаки отправились на заготовку ивовой лозы. Изготовление щитов, для наращивания бортов плавательных средств, они занимались вплоть до позднего вечера.

Подобные приготовления не остались незамеченными; с противоположного берега, в густых зарослях ивняка за казаками наблюдали две пары раскосых чёрных глаз. Неожиданно один из наблюдателей, посоветовавшись с напарником, отполз из густых зарослей по берегу за небольшой пригорок, а там, чуть дальше пробежал в ложину, где сев на лошадь поскакал на юг, с новостями для Кадыр – мурзы.

¹⁰ Гребок – короткое весло. В. Даль.

¹¹ Засёл – маленькая деревушка, посёлок, новосёлок, выселок. В. Даль

¹² Вогулы – русское название народов манси. Прим. автора.

Первый ночлег в поле

Последние ивовые щиты на борту лодок, как самые малоопытные, устанавливали Афоня с Серафимом Птахой. Этот пожилой казак неизвестно каким образом притулился в остроге на Сылве – реке. Особых расспросов здесь не принято вести, а тем более проявлять любопытство. С кашеваром этот уже не молодой казак сдружился быстро: они не выделялись среди казаков особой удачей и опытом боевых схваток, даже оружием не умели владеть должным образом.¹³

– Чего тебя, Звонарь, приспичило в казаки податься? – пропуская ивовый прут через основу щита, осведомился Серафим. – У батюшки – священника плохо жилось?¹⁴

– Жилось-то не плохо – это точно! Но пришлось мне по нраву боярская дочь Параша, – сладу не было с собой. Попробовал к ней в светёлку проникнуть, да люди боярские чуть не схватили. . . Если бы взяли – убили. Батюшке обо всем доложили; он решил спровадить меня в монастырь, от греха подальше. . . Но я убёг на Волгу.

– Грамоте учён, а также с нами мыкаешься, – посочувствовал товарищу Птаху. – Наше дело простое: были нетягловые – гулящие люди, а как записали в тягло – совсем жизни не стало: подался до казаков, да здесь почитай, за редким исключением. все бежали от непосильного бремени.¹⁵

Укрепив ивовые щиты на бортах лодки, казаки направились к месту ночлега. Спать разошлись двумя, определившимися составами: Охрим Барабаш с командой в избу Калистрата Могилы, а Михаил Бугай со своими казаками, среди которых были маломощные и неопытные Серафим Птаху и Афоня Титов, разместились на земляном полу, на пахучем свежем сене, в избе Ивана Метлы. Этот казак с Калистратом Могилой «обживал» данную местность в предгорьях Урала. Уснуть не могли – чувствовалось сильное возбуждение от начатого похода по рекам, – хотелось порассуждать и немного помечтать.

– Клевец, расскажи байку! – обратился к нему Маркел Чубатый, зная о том, что этот казак не только хорош в поле, но и отъявленный балагур. Знарок пикантных историй не заставил себя ждать, – Вот, слушайте, казаки, весёлую байку, – прищурился глазом, начал рассказ Кондрат Клевец. Казаки замерли.

– Вот однажды один мужик уехал в поле, но нечаянно, по нужде вернулся. Жена в это время к себе гостя привела, который давно у неё потчивал. Не имея возможности его спрятать; она поместила его в бочке, но ноги его были видны. Когда муж вошёл в избу и спросил: «Что сие значит?» То жена глаголила: «Милый муж, сей человек торгует бочку и хочет её купить, а потому её осматривает, нет ли в ней щелей.»¹⁶

– Продай ему; нам мало в ней проку. А ты, добрый человек, если осмотришь, вылезай и торгуй у хозяина». Мужик вылез из бочки и стал торговаться с хозяином. А хозяин не только торговался с ним, но и помог унести ему бочку.

– Ну, змея – баба, – возмутился Маркел Чубатый, который не всегда понимал тонкую иронию, и часто подобные байки принимал за «чистую монету», – так обмануть мужа, не выходя из дому!

Остальные казаки хихикнули, хохотнули не столько над рассказанной историей, сколько над доверчивым Маркелом Чубатым, и тут же попросили Клевца рассказать ещё какую – либо байку.

¹³ Притулять – прислонять, приставлять, прикрыть, приютить. В. Даль

¹⁴ Приспичило – пришла крайняя нужда, вынь да положь, роди да подай. В. Даль.

¹⁵ Тягло – повинность, налог. Н. Костомаров.

¹⁶ Потчивать – от слова почитать – оказывать честь, уважать. В. Даль

– Извольте, – ответил Кондратий, начиная новое повествование. – У одного старого и плешивого мужа была молодая жена, которая ему и говорит: «Хочешь иметь волосы на плешине? Я тебе лекарство скажу». Он говорит: «Скажи». Жена ему говорит: «Мочи голову мочёй жены, и вскоре увидишь, как на ней растут волосы».

Старик ответил шуткой, показав ей свой уд: «Вот тридцать лет его полощу женской мочой, а волос на нём не выросло». ¹⁷

Казаки азартно «заржали», по достоинству оценив остроумный рассказ товарища.

– Ты, Клевец, лучше бы молодых казаков делу учил! – высказал своё недовольствие Михаил Бугай. – Небось, Звонарь даже огня в поле без огнива и трута не добудет? – И не дожидаясь того, что Клевец, проявив желание, обучит молодых казаков кой – чему, начал монотонно рассказывать о том, как казак, оказавшись в поле без каких – либо средств, в состоянии был не только развести костёр, но и выжить, добывая себе пищу. Старший в этом походе по Барде казак ещё долго поучал товарищей о премудростях жизни в поле, но услышав храп, умолк, засыпая тяжёлым, беспокойным сном – он вынужден думать об успехе всего дела, до которого молодым казакам и нет порою никакого дела.

Афоня с Серафимом, спавшие рядом, проснулись утром одновременно. Бугай бродил по избе и чём – то тихо беседовал с хозяином избы.

– Слышь, Звонарь, – осторожно, на ухо, чтобы не разбудить спящих товарищей, зашептал Птаха, – сон видел красивый... Не поверишь? Будто женился я на царской дочери, отвели нам хрустальные хоромы для ночного почивания с ней. Злато, серебро кругом, а слуги несут нам яства и вина заморские, даже просыпаться не хотелось...

– И я тоже видел, – в свою очередь начал нашептывать соседу на ухо Афоня. – Оказался я в далёком глухом лесу; там живут барсуки, лоси, медведи, а я среди них проповедую, заставляю принять православие; волоку всех в воду и крещу. Не знаю, что и подумать?

– Н-да, – удивился Серафим, – что и подумать?

– Вставайте, казаки, – зычным голосом сказал Михаил Бугай. – Охрим Барабаш уже парус ставит, – и нам пора. Впереди у нас тяжёлый день.

¹⁷ Уд – в старину так называли мужской половой член. Прим. автора.

Ордабазар¹⁸

Одинокий всадник быстро, настёгивая постоянно коня нагайкой, скакал по полям и перелескам, по лесным тропам, глухими логами, горными перевалами, немилосердно пугая пернатую дичь: тетеревов, и ожиревших к осени вальдшнепов. По всему характеру поведения было ясно, что всадник хорошо знаком с местностью; он знал все кратчайшие пути в окрестностях реки Сылвы, ведущие в ставку Кадыр – мурзы.

К месту назначения всадник сумел прибыть уже в темноте, когда самые яркие звёзды и кривой серп Луны чётко обозначились на потемневшем небосклоне. На широком поле, вблизи реки, разместилось около полутора десятка юрт. Это была временная ставка Кадыр – мурзы; в центре ставки, между юртами догорал костёр, над которым висел огромных размеров медный котёл; из него исходил запах варёной конины. Табун лошадей бродил по всему полю вокруг стоянки мурзы. Спускаясь с горы, уловив запах родного очага, конь под всадником тонко заржал; ему ответили лошади из табуна. Из нескольких юрт сразу же выскочили мужчины, потрясая короткими копьями и кривыми саблями; они с напряжением вглядывались в темноту, откуда доносилось ржание лошади. Вскоре всадник приблизился к юртам.

– Кто едет? – спросили войны Кадыр – мурзы, вышедшие из юрт.

– Шамкал, – ответил всадник, спрыгивая с потного, тяжело дышавшего коня, – Кадыр – мурза нужен – важное донесение!

– Кадыр – мурза уже отдыхает с женой, – ответил один из войнов, отставляя в сторону короткое копьё.

– А ты, Шамкал, садись к костру, – ешь... Там в котле для тебя остался большой кусок мяса. – Немного подумав, он же добавил. – Если у тебя серьёзная новость, – постараемся отвлечь мурзу от приятных занятий.

– Якши, – ответил Шамкал, присаживаясь на землю возле костра; он был голоден. Отложив в сторону лук со стрелами, кривую саблю, достав кусок мяса из котла, свернул ноги «калачом», начал с жадностью рвать зубами упругие волокна варёной конины. Ел долго, до полного насыщения, пока не появилась характерная для кочевых племён отрыжка. Захотелось дремать, и Шамкал уже думал расседлать коня и, положив под голову седло, уснуть, но тут вылез из юрты Кадыр – мурза. Это был полноватый с набухшими веками и обвисшими, блестящими от жира щеками войн – степняк; характерную внешность предводителя ногаев дополняли редкие, по всей видимости очень жёсткие усы и борода. В руках мурза держал маленькую подушечку. Он аккуратно положил подушечку на землю, возле костра, почти напротив Шамкала и, подогнув богатый расшитый золотом халат, с достоинством уселся на неё.¹⁹

– Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Говори, Шамкал! – начал разговор мурза с явным неудовольствием. – Надеюсь, что ты, Шамкал, не беспричинно нарушил мой покой?

– Хвала Аллаху, господу миров, – ответил войн, начиная хвалебную речь в честь мурзы, но был решительно «оборван» предводителем степного племени. – Говори, Шамкал!

– Мурза, казаки на двух лодках прибыли в устье реки Барды, численностью в десять человек, – кратко изложил суть донесения Шамкал.

– Где они сейчас?

– Остались там, ночевать будут, но судя по запасам продовольствия в лодках, – поплывут дальше...

– Эх, – перевалившись слегка на подушечке, вздохнул, раздумывая Кадыр – мурза, – они что – то пронюхали о наших связях с Беглебием... Но самое плохое, если они выйдут

¹⁸ Ордабазар – временная кочевая ставка мурзы. Тюрское слово.

¹⁹ Якши – хорошо. Татарское слово

на Сямына, и не видать нам мехов этого народа... Казаков надо уничтожить, чтобы назад никто не вернулся, на меха мы покупаем огневой бой... К утру нужно собрать тридцать всадников. Скачи, Шамкал, бери свежую лошадь, – к моему сыну Турбек-мурзе; он кочует возле Белой горы, – спать не дадим... Турбек – мурза должен выступить с отрядом... Эх, – потянулся Кадыр – мурза, поднимаясь с подушечки, направляясь обратно в юрту, где его ждала юная, шестая, – пока последняя, – жена Марьям.²⁰

Утешиться в эту ночь с молодой женой старый степной воин не смог; его мучили тяжёлые думы: «Нарушить примирение с казаками не желательно, но и допускать их до вогульского племени в верховьях реки Сылвы тоже нельзя, – всю пушнину заберут... В гибели казаков надо будет обвинить Беглебия, – пусть месть мурзы Строганова обрушится на него...»

С этой, как казалось мурзе, успокоительной мыслью он и заснул, не отвечая на горячие ласки и молящие вздохи Марьям.

На следующий день, утром, сын Кадыр – мурзы Турбек уже выступил с отрядом в поход, и был уже на половине пути между Белой горой и ордобазаром своего отца.

²⁰ Огневой бой – пищали, ружья, пушки.

По Сылве-реке

Лодка во главе с Охримом Барабашем, взявшем на себя более длительное и трудное испытание, уверенно поднимались вверх по реке уже четыре полных дня. На открытых участках реки, с помощью паруса, лодка двигалась значительно быстрее; в ущельях, возле скал, которые казаки любовно называли: «камушками», парус был бесполезен, – шли на вёслах.

Казаки, постоянно осматривая окрестности реки, не переставали удивляться богатству горного края: «Какая хорошая древесина – сосна на берегах, какие просторные и многотравные луга! А как много рыбы и дичи!»

– И лес по реке можно сплавить в любое место на строительство избы, – причитал постоянно хозяйственный во всех делах Андрей Черкес.

В последние два дня погода ухудшилась; изредка начал моросить мелкий дождичек, но посвежевший западный ветер помогал усерднее двигать лодку против течения. Поэтому казаки не роптали на плохую погоду, а кажется даже были рады такому обстоятельству.

– Охрим, – неожиданно обратился к сидящему с гребком на носу лодки старшему казаку Василий Чёрный.

– Чего? – ответил Барабаш, разглядывая правый берег реки

– Глянь в воду, – рыбы множись... Как серебром дно усыпано!

Охрим Барабаш, отодвинув ивовый щит у борта лодки и перевалив тело через борт, тут же с восторгом воскликнул: «Казаки, да это ж подуст! Жирная рыбка... Табань к берегу, – брать будем!»

Казаки быстро причалили лодку к пологому левому берегу, скинув верхнюю одежду, начали разматывать сеть, которую чуть позднее завели в направлении противоположного берега. Двое казаков усиленно колотили по воде жердями; таким образом они загоняли рыбу в сеть. Поёживаясь от холода, рыбаки с трудом вытащили сеть на берег. Крупный серебристый подуст бился друг о друга и вываливался через бечеву сетки на берег.

– Ан, казачки, – надевая зипун, азартно восклицал, прыгая на одной ноге, Василий Чёрный, – сразу на пару бочек взяли... Хороший улов! Ай да улов!

– Да помолчи ты – трепло! – возмутился вдруг Охрим Барабаш. – Тихо!

Казаки замерли. «Чего Охрим?» – спросил, любопытствуя Андрей Черкес, надевая на мокрые ноги сапоги.

– Чего? В другоряд слышу лошадиное ржание, – не нравится мне всё это: если мирно было бы, то «татаровы» показались бы непременно... Будьте на страже, пока трое производят засолку рыбы, – два казака держат пищали под рукой. Поняли! ²¹

Казаки быстро и споро занялись засолкой рыбы. Единственная бочка, предназначенная для рыбы, заполнилась, пришлось приспособить под рыбу и вторую, предусмотренную ранее для мяса...

– Рыбы много здесь, – продолжал восхищаться Василий Чёрный. – «Татаровы» её плохо едят, – вот бы жить здесь: свободно и благодатно.

– Полно болтать – то; сети в лодку, – сушить не будем, – отдал распоряжение Барабаш. – Развернём на ночь вокруг костра...

И вот заметно потяжелевшая лодка, с помощью вёсел вышла на середину реки, где казаки, поправив парус, начали вновь движение вверх по течению. К вечеру они, изрядно утомившись, решили остановиться у небольшого песчаного плёса, у которого почти до середины реки рос «лопушник» – заросли водной растительности.

²¹ Другоряд – другой, в другой раз, вторично, снова, или ещё раз. В. Даль

– Здесь сварим уху, раскинем сети для просушки, а спать будем в лодке, среди» лопушника». Жердь для паруса убрать на ночь, – Охрим показал пальцем на густую поросль растительности на самой середине реки. Уху казаки сварили быстро и ещё быстрее её съели. Но когда стемнело, они растянули сеть по ивовым кустам вокруг костра на уровне человеческого роста. Только ночь полностью опустилась над рекой, и уже была утрачена видимость на расстоянии вытянутой руки, Охрим Барабаш сделал неожиданное предложение: «Соорудить из травы, ивовых ветвей и дерюги чучела, посадить их вокруг костра. Делать тихо и незаметно, – под утро у нас могут быть новости...»

Казаки, не спеша выполнили распоряжение Охрима и, разместив чучела вблизи костра, заблаговременно подбросив в него дров, ушли в лодку и не производя особого шума и всплесков, остановились в «лопушнике», где и бросили якорь. В лодке расположились без лишней суеты, укрывшись от моросящего дождя толстыми дерюгами.

Ночь была темна; тучи застилали весь небосклон. Изредка раздавались всплески рыбин, или же это – возможно, вышли на промысел бобры и выдры. Уставшие за день казаки, заснули крепким сном; буквально утром их разбудили яростные крики на берегу, около догоревшего костра. Там бесновались ногайские войны, рубившие в азарте рыболовную сеть, в которой они основательно запутались. Чучела от кривых ногайских сабель приняли всю исходившую от войнов злость и ненависть; их рубили исступлённо.

Казаки в лодке не шевелились, боялись даже вздохнуть полной грудью.

– Алагей, где казаки? – закричал старший из нападавших войнов на молодого кривоногого юношу.

– Здесь, мурза, были: из котла ели... Потом к вам пошёл, – растерянно отвечал юноша.

– Получай, собака! – со злостью крикнул командир ногайских войнов, вонзая в живот ногайца саблю, которая заскрежетав о кости позвоночника, вышла на шее, возле ключицы. Неуклюже взмахнув руками, молодой воин ещё пытался закрыть ими живот, но, как мешок из которого выпущен воздух, начал падать на колени. Мурза выдернул саблю из тела юноши; в раневое отверстие, пузырясь, с шумом вышел воздух. Разгневанный предводитель отряда ногайцев, вытер саблю об одежду упавшего на землю война и громко закричал: «По коням, к следующей излуине реки, – не уйдут собаки!» Толпа вооружённых войнов, сквозь кусты ивняка, направилась к ближайшему оврагу, где находились лошади степных наездников.

– Охрим, – тихо произнёс, не веря в чудесное спасение Василий Чёрный, – ты спас наши жизни.

– Приём старый: на Волге часто им пользовались... – ответил так же тихо Барабаш. – Теперь с ногаями всё ясно, – надо возвращаться назад. Пусть Строганов воюет Кадыр – мурзу.

Полежав ещё немного в лодке, казаки подняли якорь, начав спуск вниз по реке.

Вверх по Барде

Казаки, плывшие на лодке вверх по Барде, особо не спешили; они знали, что Охриму Барабашу понадобится вдвое больше времени на поход по Сылве чем им по этой полноводной, но более короткой реке. Старшим в экспедиции шёл немногословный опытный казак с «косой саженью» в плечах Михаил Бугай. Добрый десяток лет он провёл в поле на Дону и Волге, но судьбой был занесён в безлюдные таежные места. В Сылвенском остроге ходило много слухов о том, как он у своего барина изнасиловал дочь, – Михаил подобным «подвигом» не похвалялся, – да и кто из казаков не имел греха за Душой.

В первый день похода казаки засолили полную бочку рыбы – подуста; на второй день, утром, Афоня неожиданно заметил впереди, на излучине реки – он сидел с гребком за рулевого, – лосиху с крупным лосёнком, и тут же недалеко от них, на пологом берегу, стоял большой серо – бурого цвета медведь. И он по всей видимости, не давал лосям возможности выйти на берег.

– Бугай, глянь вперёд! – «мясо» к нам само идёт, – крикнул Афоня, показывая рукой на излуку реки. Старший казак мигом оценил ситуацию: «Прижимаем лодку к правому берегу, – „выжимаем“ лосей к левому крутому!.. Ты, Клевец, готовь пищаль, – вдруг медведя нужно будет пугнуть...»

Лодка быстро повернула к правому берегу, но совершенно непуганый людьми, медведь злобно рыкнул и с азартом подпрыгнул на лапах. После такой угрозы, лоси повернули обратно, направляясь вглубь реки, к левому берегу; вначале они спокойно шли, а затем и поплыли...

– Поворачивай лодку за лосями! – крикнул на рулевого Михаил Бугай.

– Быстрее! Уходят! Налегай на вёсла! – орал в охотничьем азарте он.

Перед самым крутиком, у берега, лодка настигла лосей; лосиха уже пыталась подняться на высокий, обрывистый берег, тщетно выбрасывая передние ноги вперёд на глинистый скользкий обрыв.

– Бей, лосёнка, – надрывая горло, командовал Бугай, бросившему весло, вставшему на нос лодки, вместо рулевого с луком и стрелами Маркелу Чубатому. Тонко зазвенела тетива, и стрела, почти не вызвав всплеска, вонзилась в шею лосёнку чуть ниже светло-коричневого ушного лепестка. Животное издало мычащий утробный звук, на который бросилась лосиха, к нему, своему детёнышу. В это время вторая стрела, – Маркел не терял времени, – воткнулась рядом с первой. Лосиха вновь бросилась на берег, но потеряв надежду подняться, поплыла вниз по течению, повернув голову к месту трагедии; её печальные глаза как бы осуждали жестокость казаков, – но последние ничего не замечали в азарте подвернувшегося фарта. После некоторой борьбы за жизнь лосёнок начал погружаться в воду, надрывно и тоскливо прохрипев в последний раз. Лосиха отозвалась печальным ревом. Маркел перегнувшись через борт лодки, завёл петлю на шею лосёнка, затем деловито и споро привязал конец верёвки к уключине и, вытерев мокрые руки о чугу, отметил: приторочил. Казаки дружно выразили одобрение молодецкой хваткой товарища.

– Всё. казаки, плывём обратно, к пологому берегу; там на камушках лосёнка разделаем, – распорядился спокойно, без бывшего азарта старший казак. Медведь не покидал своей позиции на берегу, с удивлением наблюдая за охотой странного «плавающего существа» на маленького лосёнка.

– Пугни нахала, Клевец, – приказал казаку Бугай, – а то ненароком и на нас полезет...

Клевец взял заранее приготовленную пищаль, подсыпал на полку пороху, поджёг фитиль, и перед тем, как лодке заскрипеть днищем о прибрежные камни, выстрелил. Медведь недоумённо покачал головой, – вероятно, что пуля слегка задела его, рывкнул, вновь артистично

подпрыгнул на четырёх лапах, развернулся, и покачивая толстым упитанным задом, скрылся в густых зарослях черёмухи.

– Не пуганный совершенно зверь, – отметил молчавший до сих пор Серафим Птаха. Лодка, закрипев о камни, наехала на каменистый берег.

– Птаха и Звонарь готовят костёр; остальные разделяют лося, – так распорядился старший в этом походе казак Михаил Бугай. К середине дня казаки не без удовольствия ели молодую лосятину, в особенности нахваливая пикантную печень.

– А может. Михайло, и заночуем здесь, – куда нам торопиться, – сделал предложение, поглаживая заметно разбухший живот, Кондратий Клевец.

– Надо торопиться: погода начинает хмуриться, – чего под дождем – то махать вёслами... Через два – три дня назад покатимся...

С большой неохотой, после сытной трапезы, казаки потянулись к лодке, установив в неё предварительно бочку с подсолённой лосятиной. Грести вёслами казаки не желали; установили парус, и лодка медленно поползла медленно вверх по течению. На берегу реки «безобразным пятном» маячили лишь внутренности лосёнка, его голова и конечности; вскоре здесь будет «пиршество» для лесной твари. На следующем повороте реки казакам пришлось менять положение паруса, и такие действия нужно было производить на каждой новой излучке реки. На очередном повороте речного русла Серафим Птаха, бывший на этот раз за рулевого, заметил на невысоком берегу костёр, возле которого находился человек с собакой.

– Вогул, Бугай, – сказал он негромко.

– Там Бугай или вогул? – переспросил не без иронии старший казак.

– Вогул, там на берегу, – подтвердил сообщение Серафим, не меняя интонации и силы голоса.

– Табань к берегу, – приказал Бугай. – Поспрошаем его...

Лодка вильнула к берегу и вскоре пристала к нему чуть ниже дымящегося костра. Казаки, прихватив две пищали, вышли из лодки, направляясь к костру. В лодке остался только Серафим Птаха. У ярко горящего костра их ждало разочарование: вогула там уже не было.

– Может поблизости схоронился..., – проявив инициативу, высказался Кондратий Клевец.

– Ищи ветра в поле, – отметил Михаил Бугай, – но казаки всё же начали обследование территории вокруг костра.

– Как сквозь землю провалился, – только здесь был, – чертыхаясь и ругаясь Маркел Чубатый первым направился обратно к лодке; за ним потянулись остальные

– И даже собака у него не вякнула, – отметил Афоня Титов.

Через несколько мгновений лодка отчалила от берега, казаки, налегая на вёсла, не скрывали своего разочарования. Подходя к очередному повороту реки, Серафим Птаха оглянулся назад.

– Бугай, вогул, – вновь сказал он.

– Хватит брехать, – рассердился на рулевого старший казак.

– Да ты, Бугай, подними голову, – тихо и спокойно возразил ему Птаха.

Казаки, оторвавшись от вёсел, подняли патлатые головы, посмотрели на оставшийся вдали костёр. Возле костра сидел тот же человек с собакой.

– Может, вернёмся? – сделал предложение Маркел Чубатый.

– Нет, только время потеряем; он нас как курей обвёл... Лучше нажмите на вёсла, –отреагировал Михаил Бугай, потеряв интерес к вогулу.

Нападение

На седьмой день плавания казаки достигли верховьев реки Барды; её ширина местами не превышала десяти аршин, и тяжёлая большая лодка, царапая днище о речные камни, с трудом преодолевая речные перекаты. В таких мелководных местах казаки толкали лодку шестью или же просто руками, покидая лодку. Мелкий морозящий дождичек не доставлял удовольствия путешественникам, которые, не переставая ругались по этому поводу. В небольших старицах и заводях скопилось бесчисленное количество гусей и уток; они огромными стаями, почти над поверхностью воды, пронеслись над лодкой. При пролёте одной из стай уток, Кондрат Клевец взмахнул на них длинным шестом; утки ловко увернулись от мнимой угрозы, и только одна из них, – как позднее говорили казаки: «сослепу», – ткнулась в парус, и тот же Клевец, бросив шест, успел схватить её руками, по-хозяйски сразу «открутив» утке голову.²²

Утка, распуская широко крылья, билась в предсмертных судорогах на дне лодки.

– Изобилует дичью эта сторона, – взяв в руки весло, отметил удачливый охотник. – В остроге, дома, ни за что не поверят, что здесь уток можно ловить руками... Нет, не поверят!

– Шабаш, – неожиданно сказал, поглаживая при этом бороду, Михаил Бугай. – Чаль к берегу, – последняя ночёвка будет... И домой! Никакой «татаровы» и в помине нет. Остановимся вон под той раскидистой елью, – от дождя спастись будет. – Он показал рукой на правый берег реки.

После такого приятного известия казаки дружно, добавляя усилия налегли на вёсла. Вот лодка прижалась к невысокому бережку, поросшему у воды осокой, а чуть повыше – обычной полевой травой. Под елью было сухо и, как показалось казакам, теплее. Самые слабые: Звонарь и Птаха, занялись заготовкой дров, разведением костра. Афоня высмотрел невдалеке, под горкой, целую рощицу сухостойных вязов. Там он решил вести заготовку дров. Рубить сухостой было трудно, но зато, – знал он уже по опыту, – такие дрова дают много жару и не искрят, не жгут казачью одежду и обувь. Ствол сухого деревца он обычно разрубал на брёвна длиной в одну сажень и носил такие «обрубки» к костру. После того, как казак принёс к костру четыре пары таких брёвен, – костёр разжёл Маркел Чубатый. После этого Михаил Бугай послал молодого казака к реке, принести из бочки сухарей. Афоня быстро выполнил распоряжение предводителя похода.²³

В котле, на костре, уже усердно бурлило варево с солёной лосятиной, а утка, так удачно попавшая в руки Клевца, обмазанная глиной, находилась на углях между двумя пылающими брёвнами. Возле толстой ели, полукругом, своеобразной скобкой, казаки сделали из ветвей ивы и черёмухи стенку, которая спасала от ветра, удерживая под елью тепло от костра.

– Казаки, сколько здесь смородины и черёмухи – ально ветви гнутся, – добродушно, по-хозяйски размышлял Маркел Чубатый. – Бабам бы из острога такую благодать...²⁴

Товарищи по походу разговор не поддержали; все были голодны. К месту стоянки, под ель, казаки перенесли пищали, чтобы не намокли под дождём, закрыли бочки с сухарями, толокном, солёной рыбой и холодное оружие, рогожей. Варилась лосятина не долго, а утка, запечённая в глине, была готова ещё раньше. Её «раздёрнули» пять голодных мужчин в один момент.

– Плохо, Кондрат, ты ловишь, – надо всем по утке, – вытирая бороду от утинового жира, отбрасывая в сторону обглоданную утиную косточку, пошутил Маркел Чубатый.

²² Аршин – старинная мера длины, равная 0.71 метра

²³ Сажень – русская мера длины; сажень маховая, в размах обеих рук, равна 2 метрам; сажень косая, от пятки до конца поднятой вверх руки противоположной стороны, равная 2.5 метра.

²⁴ Ально – даже. В. Даль

- Попробуй ты, – отбрехался последний.
- Только аппетит раздражил, – с неудовольствием отметил кратковременное пиршество всегда спокойный Серафим Птаха, осматривая на ногах дымившиеся ичетыги, – Чуть не сгорели...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.